

ПРИБАВЛЕНИЕ К ГЛАВАМ 4, 5 и 6

Понятие капитала

Читателю, знакомому с новой французской литературой по части политической экономии, слишком хорошо известно, что слово «капитал» служит ныне лозунгом чрезвычайно сильной полемики между отсталою и прогрессивною школами. Отсталая школа неистощима в панегириках капиталу, прогрессивная в проклятиях ему. Но читатель без труда заметит, что тут идет дело не о том элементе производства, который называется капиталом в строгой науке, а собственно только о роли, какую при известных общественных условиях играют капиталисты. Самое название капиталиста принадлежит не строгой научной теории, а только разговорному языку и почти постоянно употребляется именно в таком из своих многочисленных значений, которое совершенно различно от смысла, какой имеет термин «капитал» в науке. Капиталистом обыкновенно называется человек, имеющий такую сумму денег, что при нынешнем экономическом порядке может, не трудясь, богато жить на доходы, извлекаемые из этих денег посредством процентов или коммерческой прибыли. Капиталистами называются банкир, богатый негоциант, человек, имеющий значительное количество кредитных бумаг, или пуды золота, или десятки пудов серебра. Самый богатый землевладелец, если кроме поместья не имеет большого количества наличных денег или кредитных бумаг, не называется капиталистом в обыкновенном смысле слова: он только может легко стать капиталистом, обменяв свое поместье или часть своего права получать доходы с поместья на звонкую монету или кредитные бумаги, посредством продажи или займа; пока он не сделал этого, он еще только богатый человек, но не капиталист.

Читатель видит, на чем основано употребление слова капиталист в таком смысле: оно происходит из той спутанности научного и разговорного значения слова «капитал», о которой мы говорили в примечаниях на стр. 94—95 и на стр. 100.

Вместо научного понятия о капитале, как о массе продуктов, которыми продовольствуется труд, тут подставляется понятие о деньгах, о которых Милль совершенно справедливо замечает, что они в сущности вовсе не капитал. Мы говорили, что Милль удерживается от этой ошибки при употреблении термина «капитал»; но даже и он, как мы замечали уже много раз, не остерегся от спутанности, с какою вообще употребляется слово «капиталист»: вместо того, чтобы удерживать мысль на понятии капитала, Милль очень часто говорит уже только о капиталисте, то есть о человеке особенного разряда, дающем капитал на содержание работников, о человеке, нанимающем работников; а средство к найму работников, к содержанию труда предполагается у самого Милля при таких выражениях состоящим уже не собственно в продуктах, которыми содержатся работники, а в деньгах, на которые можно выменять эти продукты. Таким образом мысль переводимого нами автора делает сама и влагает в мысль читателя за один раз три неточности: во-первых, вместо понятия о материальных вещах, продуктах труда, подставляется понятие человека, владеющего этими продуктами; во-вторых, вводится мысль, что люди подобного рода должны составлять особенный разряд людей; в-третьих наконец, вместо владения продуктами, служащими на пищу или другое продовольствие, подставляется понятие денег, которые при нынешнем экономическом устройстве служат средством к приобретению таких продуктов. Человек, знакомый с требованиями логики об условиях научной терминологии, легко поймет, к каким ошибкам должны приводить подобные подстановки разных понятий под один термин и употребление разных слов вместо одного термина.

Но если кто-нибудь из читателей не совсем ясно представляет себе строгость требований научной терминологии и чрезвычайную важность их точного соблюдения, он, быть может, назовет схоластиком наше стремление анализировать смысл выражений, употребляемых в переводимом нами трактате. Никто больше нас не презирает схоластику. Но что же делать, если чрезвычайное множество писателей, считающихся авторитетами в политической экономии, переделывали истинный смысл излагаемой ими смитовской теории в схоластическом духе? Что же делать, если они, пускаясь в схоластические тонкости, совершенно искажали эту теорию и если притом искажение происходило от промахов, деланных ими в той самой сфере схоластики, в которую они переносили теорию из области живых общественных потребностей, создавших ее при Адаме Смите? Человек, поставивший себе целью очистить истину, загрязненную недобросовестностью софистов⁵¹, не может отказываться ни от какой части принятой им на себя обязанности, хотя бы некоторые из этих частей и не соответствовали его личным наклонностям. Если школа, искажающая науку, прикрывает ее искажение схоласти-

ческими тонкостями, то надобно, при всем нерасположении к схоластическим прениям, обратить на них внимание и разоблачить ошибку.

В одной из своих речей лорд Брум⁵² сжато и ясно выразил требования научной терминологии следующими правилами:

1. «Всегда употребляйте самые ясные и недвусмысленные термины».

2. «Никогда не употребляйте слова, имеющего два смысла, не определив, в каком из них оно будет употребляться вами».

3. «Никогда не употребляйте одного слова в двух значениях».

4. «Никогда не употребляйте разных слов в одном значении».

Надобно признаться, что терминология политической экономии во многих своих частях не удовлетворяет этим правилам. Мы теперь еще в начале трактата об этой науке, а имели уже много случаев видеть их нарушения, и между прочим в терминах чрезвычайно важных. Так, например, для определения предмета науки выбрано слово «богатство», постоянно ведущее мысль совершенно не к тому понятию, какое дается наукою, — это служит источником самой вредной двусмысленности; потом мы заметили, что слово «непроизводительный» употребляется в двух разных смыслах при классификации труда и потребления. Эти причины ошибок мы решились устранить через замену двусмысленного слова «богатство» выражением «материальное благосостояние» и через принятие новых терминов «выгодный» и «убыточный» для тех случаев, в которых слова «производительный» и «непроизводительный» являлись с смыслом, различным от своего обыкновенного научного употребления. Теперь мы встречаем третий такой же случай с термином не менее важным. Слово «капитал» выбрано теориею Смита не совсем удачно для обозначения той части продуктов, которая обращается на ведение нового производства: этим словом постоянно возбуждаются в уме такие представления, которые не соответствуют его научному смыслу, потому что разговорное значение слова «капитал» совершенно различно от смысла, приданного ему теорией Смита. Оно влечет мысль к представлениям о звонкой монете, о кредитных бумагах и о множестве разных продуктов, которые никак не могут сами по себе называться капиталом в научном смысле слова. По-настоящему, надобно было бы нам и в этом случае поступить так же решительно, как в прежних двух: следовало бы совершенно отбросить слово «капитал», как слишком двусмысленное и потому неудовлетворяющее условиям научной терминологии; но оно уже так утвердилось в науке, что мы не отваживаемся заменить его каким-нибудь другим термином, который сам по себе был бы лучше: нас и без того многие станут упрекать за излишнюю отвагу.

Конечно, мы не поколебались бы в таком заменении, если

бы находили вполне удобным какое-нибудь из тех выражений, которыми часто заменяется слово «капитал» у многих писателей, особенно у французских, решительно сбившихся в употреблении термина «капитал» и потому почувствовавших особенно сильную нужду в новом выражении для экономического элемента, который перестал удовлетворительно характеризоваться у них термином «капитал» от сбивчивости, с какою употребляют они это слово⁵³. Из выражений, служащих для замены его, самое удачное найдено во фразе «орудия труда» (*instruments du travail*). Но в этой фразе опять ведет к двусмыслию слово «орудия»: трудно не забыть иногда, что главным из орудий принимается тут пища работников, а потом главнейшую важность имеют материалы для обработки трудом; орудия же в строгом смысле слова, то есть инструменты и машины, составляют, можно сказать, незначительную часть продуктов, обнимаемых этим выражением⁵⁴. Другие слова или выражения, которыми заменяется иногда слово «капитал», еще менее удовлетворительны. Поэтому, если бы мы захотели для обозначения научного понятия о капитале выбрать выражение, вполне удовлетворяющее условиям ученой терминологии, нам пришлось бы взять термин совершенно новый, никому непривычный. Мы не можем вперед знать, будет ли эта книга иметь в публике такое значение, чтобы могла утвердить право гражданства за столь большими нововведениями, как замещение слова «капитал» каким-нибудь термином нашего собственного выбора. А пока мы не знаем этого, мы должны остановиться при слове «капитал».

Некоторые читатели могут осудить нас за такую нерешительность. На это мы скажем, что она противна и собственному нашему расположению, и что в решимости у нас недостатка не будет, когда мы увидим, что публика разделяет ее.

Но, оставаясь пока при слове «капитал», при этом термине, которым недовольны мы за его двусмысленность, мы должны сделать по крайней мере все возможное для предохранения читателя от сбивчивости представлений, к какой приводил почти всех писателей этот двусмысленный термин. Мы должны как можно настойчивее выказать разницу его научного смысла от разных оттенков его разговорного употребления и как можно яснее выставить тот единственный смысл, в каком слово «капитал» принимается экономической теориею у самого основателя науки, Адама Смита, у лучших его продолжателей, Мальтуса и Рикардо, и у единственного замечательного мыслителя смитовской школы в наше время, у переводимого нами автора.

Капиталом называются те продукты труда, которые служат средствами для нового производства. Главные разряды этих продуктов:

1) Пища, нужная работникам на время производства до получения новой пищи от труда, содержимого этим прежним за-

пасом пищи. Этот элемент капитала необходим повсеместно и абсолютно, потому что человеческий организм нигде не может существовать без пищи. Но, не говоря уже о том, что в разных климатах нужна разная пища (например, чем холоднее климат, тем больше нужно в пище жирных элементов, а чем теплее климат, тем меньше надобности в мясной пище), надобно заметить, что самое количество пищи, нужной для поддержания организма в здоровом виде, в различных климатах различно. Большая часть пищи, потребляемой человеком, идет собственно не на выработку составных частей его организма, а только на поддержание животной теплоты. Чем теплее атмосфера, тем меньше нужно организму питательного материала для уравнивания той потери теплоты, которая производится окружающим воздухом, вообще многими градусами недостигающим температуры внутренних частей организма. Из этого мы видим, что южные страны по отношению к самой значительной части капитала находятся в условиях более выгодных для производства, чем северные страны. То количество пищи, какое нужно на год для тысячи человек, живущих в Архангельске, будет достаточно для гораздо большего числа людей в Киеве и еще для большего числа людей в Алжире, при равенстве их остальной житейской обстановки. Но с тем вместе мы видим, что очень значительное вознаграждение за пищу может доставляться людям северных климатов развитием других частей капитала, имеющих подобно пище главным своим назначением также поддержание животной теплоты. Обыкновенно различаются два разряда предметов, имеющих такую роль, — жилище и одежда.

2) Жилище, подобно пище, служит главным образом к поддержанию животной теплоты в организме, но, подобно пище, имеет и много других назначений: как пища сверх поддержания животной теплоты возобновляет составные части организма, доставляет наслаждение чувству вкуса и т. д., точно так и жилище, кроме сохранения животной теплоты, предохраняет от неприятного или вредного влияния разных атмосферических явлений и доставляет множество других жизненных удобств. Но главная экономическая роль его состоит в сохранении теплоты: жилище, удовлетворяющее этому назначению, обыкновенно имеет уже все качества, нужные для соответственности с другими своими назначениями. Даже сырость в жилище почти всегда происходит только от того, что оно неспособно сохранять надлежащую теплоту во всех своих частях. Нет сомнения, что при 8° тепла человеку нужно больше пищи, нежели при 14°. Из этого мы видим, что если бы нам говорили, будто какая-нибудь страна не может хорошо прокормить своих жителей по излишней своей населенности, то, еще не спрашивая, хороши ли в этой стране земледельческие процессы, не пропадает ли в ней множество земли даром, не обрабатывается ли курам насмех даже и возделываем-

мая часть ее, мы прежде всего должны спросить, хороши ли жилища у населения этой страны? Если жилища у массы населения не достаточно теплы или если они сыры (что значит то же самое: не достаточно теплы), то население имеет недостаток в пище не по своей чрезмерной многочисленности, а просто по недостатку хороших жилищ, для которых, вероятно, всегда бы нашлось довольно места в самой населенной стране земного шара. Заменить дурные жилища хорошими значило бы то же самое, что увеличить производство пищи.

3) Еще яснее тот же самый вопрос повторяется, когда речь идет об одежде. Снабдить теплым платьем человека, мерзнувшего в изорванной одежонке, значит сделать то, что, потребляя две четверти хлеба в год, он будет чувствовать себя более сытым, чем прежде при потреблении в две с половиною четверти. Мы делаем эти замечания к тому, что увеличивать количество пищи, как мы увидим из 12 главы первой книги, не так легко, как увеличивать и улучшать одежду и жилище. Судя по всему, надобно полагать, что не только теперь нет, но при всевозможной быстроте человеческого размножения и через 200 или 300 лет еще не могло бы быть такой страны, которая при порядочном земледелии не успела бы с избытком продовольствовать всех своих жителей пищею *. Но если бы даже согласиться, — на что никак не следует соглашаться, — будто бы народная нужда в какой бы то ни было стране происходит ныне от трудности увеличить количество пищи, производимой этою страной, то оставался бы вопрос: не было ли бы слишком достаточно для избыточного продовольствия всех жителей страны и нынешнее количество пищи, при улучшении народных жилищ и одежды, на что нет уже ровно никаких затруднений и ограничений в законах природы.

Пища, жилище и одежда — вот три главных разряда предметов, составляющих ту часть капитала, необходимость которой повсеместно возникает из потребностей человеческого организма, рассматриваемого в учении о производстве, как вместилище труда. Кроме этих трех главных разрядов, для поддержания организма в способности к успешному труду, нужны повсеместно многие другие вещи, например, посуда, мебель, гигиенические средства (из которых все лучшие состоят в разных способах употребления одного и того же материала — воды, на очищение тела, платья и т. д.) — но все они вместе составляют в экономическом отношении очень неважную часть капитала по сравне-

---

* Просим читателя сравнить с этим слова Гаспарена, приведенные нами в примечании на стр. 18. Он говорит, что Франция может кормить по крайней мере 260 миллионов населения. Кстати, заметим здесь опечатку в этом примечании: на 4-й строке снизу: вместо 116 человек надобно читать 1,160 человек; впрочем, это ясно по цифрам, рядом с которыми выставлено это число.

нию с тремя первыми разрядами, то есть на производство всех этих предметов или на приспособление их к употреблению в дело требуется сумма труда незначительная по сравнению с тою, какая нужна для производства пищи, жилищ и одежды. Напротив, также очень много труда в некоторых странах нужно на изготовление еще одного разряда предметов, требуемого человеческим организмом:

4) Топливо. Мы отнесли этот разряд продуктов так далеко от жилищ и пищи, с которыми он связан в домашнем быту человека, потому, что он, имея двойное экономическое назначение, служит переходом от части капитала, касающейся собственно работника, к той части, которая относится уже к продукту, производимому работником. Кроме отопления жилищ и приготовления пищи, топливо нужно для очень многих производств, как материал для добывания движущей силы или для произведения температуры, при которой достигает нужного развития химическое средство и другие силы природы, совершающие требуемую перемену в материалах производства. В некоторых странах топливо может составлять значительную часть капитала только по этому второму, так сказать, техническому употреблению, а для домашнего быта нужно его так немного, что количество, достигающееся человеку почти без всякого труда, было бы слишком достаточно; в южных странах топить жилища никогда не нужно, а на приготовление пищи достаточно топлива найдется в траве, или кустарниках и в органических остатках от пищи людей и животных, если нет в той местности лесов. У нас почти во всей Европе не то: кроме немногих южных краев ее, надобно известную часть года топить жилища, и расход труда на изготовление топлива для них уже довольно значителен. Но даже в северной полосе Европы повсюду, где промышленность хотя несколько развита, идет большее количество топлива на промышленные процессы, чем на употребление в домашнем быту, и применение пара ко всем производствам развивается с такою быстротою, что нельзя определить границы, на какой остановится увеличение надобности в этом элементе производства. Впрочем, запасы торфа и каменного угля, находящиеся в природе, так громадны, что недостатка в топливе опасаться нечего *.

* До сих пор даже приблизительно неизвестно, сколько торфа уже изготовлено природою и сколько его может изготовлять она ежегодно вновь, без нашего труда. Далеко не во всех странах даже цивилизованной части света сделаны хотя скудные изыскания о количестве находящегося в них каменного угля. Но вот некоторые цифры о количестве его только в двух странах — в Великобритании и Северо-Американских Штатах. Великобританские пласты имеют приблизительно до 190 000 000 000 тонн каменного угля. Ныне Великобритания добывает по 70 миллионов тонн в год⁵⁵. Положим какое угодно быстрое возрастание добывания, положим какой угодно огромный процент на растрату при самом добывании, — все-таки читатель может видеть, что одних британских каменноугольных пластов было бы достаточно для паровых машин и для всех промышленных надобностей целой Европы на

5) Служа некоторою частью своею для надобностей домашнего быта, топливо не может быть исключительно названо только материалом для производства; но уже и теперь в наиболее развитых странах предметы, служащие топливом, идут на производство в количестве гораздо больше, чем прямо на надобности домашнего быта. То же самое надобно сказать почти о всех других материалах производства: шерсть, хлопчатая бумага и т. д. могут пригодиться на что-нибудь для человека и без особенной обработки, в своем натуральном виде, и некоторая часть этих веществ действительно служит человеку без всякой обделки, так что должна считаться по своему употреблению не материалом, а прямо окончательным продуктом: например, в каждом доме потребляется несколько хлопьев шерсти или ваты в их натуральном виде на мелкие домашние надобности. Но гораздо большая часть всех продуктов природы, кроме съестных припасов, служит в цивилизованных странах только материалом для дальнейшей обработки. Различаясь от съестных припасов в этом отношении, все другие важные для общественной жизни продукты природы отличаются от хлеба или мяса еще тем, что к увеличению добываемого их количества вовсе нет тех трудностей, какие, по крайней мере по предрассудку, сильно распространеному, встречаются при увеличении производства хлеба. Действительно ли существуют такие затруднения в увеличении производства съестных припасов, мы должны будем рассмотреть ниже, в замечаниях на 10-ю и 12-ю главы первой книги Милля. Но, конечно, мы не встретим никаких возражений, когда теперь же без всяких дальнейших разъяснений скажем, что, например, количество материала для выделки одежды может быть без всяких затруднений со стороны природы увеличиваемо человеком до неопределенной степени. Если мы спросим: может ли Европа легко производить вдвое или втрое больше хлеба, чем теперь, очень многие (то есть не вникавшие в дело, а повторяющие рутинную фразу) люди скажут: не может; но если спросить, трудно ли было бы Америке производить вдвое большее количество хлопчатой бумаги, каждый скажет: не только вдвое, и в десять, и в двадцать раз больше она легко стала бы производить, лишь бы находился сбыт для такого количества. То же самое каждый

многие сотни лет. Но великобританские пласты решительно ничтожны перед северо-американскими, которые вмещают в себе количество каменного угля в 20 раз большее. Для любопытных приведем цифру этого запаса: она считается не менее, как в 4 биллиона тонн (4 000 000 000 000) или в 250 биллионов (250 000 000 000 000) пудов. На сколько столетий может достать этого запаса? Цифры взяты нами из *Edinburgh Review*, 1860, январь. *Coal Fields of North America and Great Britain*, стр. 88 и 89. Конечно, мы приводим эти колоссальные числа не для того, чтобы читатель испытал над ними свою силу в исчислении биллионов, непостижимых уму по своей колоссальности. Они понадобятся нам со временем, как фактическая опора против пустых фраз о несоразмерности населения со средствами к продовольствию ⁵⁶.

скажет о материалах для всякого другого производства, имеющего действительную важность*.

Мы рассмотрели те части капитала, которые состоят в продуктах, продовольствующих труд или служащих предметом его; теперь нам остается перечислить те части капитала, которыми передается деятельность труда предметам, обрабатываемым его силою. Тут, конечно, прежде всего припоминаются:

6) Орудия. О них нам нет надобности говорить подробно, потому что у самого Милля очень хорошо определена вся обширность разряда вещей, называемых в экономической теории орудиями: он обнимает собою все вещи от какой-нибудь палки, служащей дикарю на охоте, от камня, которым он бьет зверя, от рыбьей кости, которая заменяет ему уду, до самых сложных машин. Сюда же надобно причислить постройки, делаемые для помещения этих орудий и вообще для совершения в них процессов производства, все промышленные здания от овина и риги до фабрики и верфи. Все это ясно само собою. Точно так же не было бы нужды разъяснять характер предметов или продуктов, служащих просто для перемещения других продуктов или предметов, если бы не было между средствами сообщения той важной разницы, что одни из них даются почти готовыми от самой природы, другие, можно сказать, исключительно создаются трудом. Потому надобно заметить:

7) Пути сообщения, конечно, должны считаться частью капитала настолько, насколько они созданы или поддерживаются трудом. Железная дорога или шоссе без всякого сомнения капитал. Но море никто не называет капиталом, хотя до последнего времени по морю перевозилось едва ли не больше продуктов, чем по всем сухопутным дорогам. Если река сама по себе судоходна, чиста от мелководных мест и порогов, если поэтому не нужно употреблять на нее никакого труда для ее приспособления к перевозке продуктов, она вовсе не капитал. Но если ее нужно углублять или очищать, она становится капиталом в размере труда, употребляемого на это. Лодки, корабли, телеги, паровозы и т. д. во всяком случае, конечно, капитал. Пути сообщения, принадлежа частью к продуктам труда, частью к простому действию сил природы, происходящему без всякого отношения к труду, приводят нас к рассмотрению того, в какой степени могут составлять часть капитала вообще

8) силы природы. Ответ на это уже находится на предыдущих строках. Те силы природы, которые работают в производ-

---

* Конечно, брильянтов или жемчугу не могло бы, вероятно, добываться в десять раз больше, чем теперь, как бы ни увеличился запрос на них. Зато для человеческого благосостояния нет ровно никакой надобности в этом; напротив при нынешнем положении человеческих средств к удовлетворению нужд была бы существенная польза оттого, когда бы уменьшилось добывание этих продуктов или материалов.

стве без помощи нашего труда, конечно, не составляют капитала; но если нужны какие-нибудь орудия или вообще продукты труда для развития известных сил природы в известном месте, деятельность этих сил в этом месте составляет уже часть капитала, как бы вложившуюся в продукт, посредством которого она обнаруживается. Так, например, падение воды на мельничное колесо через плотину запруженной речки, конечно, составляет капитал. Некоторые могли бы сказать, что капитал в этом случае только сама плотина, а не падение воды. О словах можно не спорить, если только и без них останется памятно и понятно значение фактов. Особенность факта в этих случаях та, что влияние на производство совершенно не находится тут ни в какой определенной зависимости от количества труда, употребленного на создание капитала. Совершенно одинаковые плотины могут давать очень различные количества движущей силы, смотря по различию в величине ручьев, ими запруженных. Этою неодинаковостью действия при одинаковости труда, употребленного на развитие сил природы в разных местах, движущие силы природы, создаваемые трудом, приближаются к свойствам растительной силы земли, которая также должна быть капиталом настолько, насколько возвышена трудом.

9) Кроме движущих сил неорганической природы (воздух, вода, пар), помогают человеку в производстве движения домашние животные; они всегда составляют капитал, потому что для их укрощения или воспитания всегда требуется труд. Кроме животных, доставляющих движущую силу, есть другие, дающие пищу или материалы (например, шерсть). Все они, конечно, также должны считаться капиталом.

Это длинное перечисление предметов и продуктов, составляющих капитал, конечно, может показаться столь же напрасным, как, например, длинное перечисление разных разрядов производительного труда у Милля. Но когда речь будет идти об отношении средств существования к числу населения или о знаменитом «принципе народонаселения» Мальтуса, читатель увидит, что представленный нами теперь перечень не бесполезен. Впрочем, у нас была не одна эта отдаленная цель: мы должны были стараться о том, чтобы как можно дольше задержать мысль читателя на научном понятии капитала, слишком легко затемняющемся от невнимания к совершенному различию этого понятия от того смысла, какой имеет слово «капитал» в разговорном языке; мы должны были стараться резко выставить перед мыслью читателя все сколько-нибудь важные части этого научного понятия. Достичь такой цели мы могли, конечно, не иначе, как длинным, хотя бы и утомительным, хотя бы, повидимому, и слишком элементарным анализом этого термина в его научном значении.

Итак, все сколько-нибудь важные для общественного быта части капитала подводятся под следующие разряды предметов:

пища, жилище, одежда, топливо, материалы производства, орудия производства, средства сообщения (пути и орудия перевозки), силы природы и домашние животные.

Само собою разумеется, что в понятие капитала, которым называются только продукты труда, входят только силы природы, создаваемые трудом, или увеличение, придаваемое им трудом. Но точно то же надобно сказать и о всех других разрядах капитала: предметы совершенно одинакового рода могут принадлежать или не принадлежать к капиталу, смотря по тому, помощью труда или одною природою без пособия труда они создаются. Мы замечали это о путях сообщения. Точно так же и каменный уголь не был бы капиталом, если бы лежал везде под руками и на самой поверхности земли. Надобно вообще заметить, что предметы одного экономического значения со всеми разрядами капитала (кроме домашнего скота) даются в некотором количестве самою природою без содействия труда: везде, за исключением слишком близких к полюсам стран, которые не могли быть заселены до сих пор, каждая местность производит сама по себе некоторое количество съестных припасов (ягод, грибов и т. д.), представляет некоторые средства укрыться от погоды (дупла, пещеры и т. д.). — Этим и начинается 1-й параграф, 1-й главы у Милля (стр. 37). Но чем больше возрастает число жителей в данной местности и чем выше поднимается их цивилизация, тем недостаточнее становится для удовлетворения человеческим потребностям одна деятельность природы, и тем значительнее становится участие труда или продуктов труда в производстве всех потребляемых людьми предметов, так что очень многие из потребностей удовлетворяются исключительно продуктами производства самих людей. Таковы, например, в целой Европе жилища и орудия производства — все они созданы только уже трудом.

Теперь, рассмотрев, какие разряды предметов могут быть капиталом и обыкновенно бывают капиталом при нынешнем состоянии цивилизации, мы, чтобы еще точнее впечатлелось в нашей мысли понятие капитала, должны посмотреть, какие разряды не бывают капиталом.

Капитал — те продукты, которые нужны для нового производства; из этого ясно, что не бывают капиталом те продукты, которые по своей природе не имеют этого назначения и должны потребляться непроизводительно, например, драгоценные камни (за исключением той ничтожной части, которая идет на резание стекла и другие технические надобности), наряды (за исключением той ничтожной части, которая потребляется работниками и служит к поддержанию в них бодрости духа), те сооружения, которые не служат помещением для работников или для промышленных производств. Словом сказать, капиталом не служат предметы роскоши.

Но и предметы первой необходимости, хотя по натуре своей все носят характер капитала, далеко не все входят в капитал. Некоторое количество каждого из них действительно служит капиталом (потребляется производительно), но остальное не становится капиталом (потребляется непроизводительно). Например, часть пищи, производимой страной, потребляется производительными работниками и их семьями — это часть — капитал; другая часть потребляется людьми, не занятыми производительным трудом или вовсе ничем незанятыми, — эта часть не служит капиталом. Один и тот же дом может в одно время служить помещением для работников — в это время он капитал; в другое время может служить помещением для непроизводительных жителей, — в это время он не капитал.

Из всего этого прямо следует два заключения:

Во-первых, если мы находим, что в известной стране мало капитала, — то есть недостает продуктов на удовлетворительное содержание производительным работникам и на хорошее ведение производительных процессов, — то прежде надобно рассмотреть, какая часть производительных сил страны обращена на производство продуктов, пригодных служить капиталом, и какая часть на производство предметов, непригодных для этого, — иначе сказать, какая часть занята выгодным для общества и какая убыточным для него производством; а из продуктов, пригодных быть капиталом, какая часть действительно идет в капитал (потребляется производительно) и какая часть не идет. (Просим сравнить с этим этюд «О выгодном и убыточном производстве и потреблении», стр. 62—75, также §§ 5 и 6-й в 3 главе 1 книги Милля, стр. 56—57, и принадлежащие к этим параграфам наши пояснения на стр. 92—93).

Положим, например, что на хорошее продовольствие работнику с семейством нужно было бы количество продуктов, равное 30 четвертям пшеницы, и на хорошее ведение производства было бы нужно количество материалов, равное 15 четвертям, количество орудий и других частей капитала, равное 5 четвертям, а всего для общественного благосостояния нужно производство капитала, равного 50 четвертям пшеницы в год (читатель знает, что в подобных гипотезах, для краткости, все разные роды продуктов подводятся под один род, и этот перевод делается по расчету труда, нужного на производство каждого рода продуктов; например, если на выделку плуга или на ремонт жилища нужно по 10 рабочих дней, на производство 1 четверти пшеницы тоже 10 дней, то ремонт жилища или выделка плуга порознь принимаются продуктами равными 1 четверти, а вместе 2 четвертям пшеницы).

Положим теперь, что капитала производится только по 40 четвертей на рабочее семейство. Ясно, что труд будет содержаться плохо, материалов для труда будет мало, орудия труда

будут плохи. Но отчего может происходить это дурное экономическое состояние?

Первым предметом исследования должна быть в таком случае пропорция между выгодным (создающим капитал) и убыточным (не создающим капитала) производством, а также между частью продуктов, годных в капитал, становящеюся в действительности капиталом (идущей на новое производство), и частью их, отвлекаемою от своего природного назначения (потребляемою непроизводительно).

Положим, например, что из 30 работников заняты убыточным производством 10, а выгодным только 20; положим, что из продуктов, производимых выгодным трудом, обращается в капитал (служит на ведение нового производства) только одна половина, а другая половина потребляется непроизводительно. Тогда мы имеем:

Половина продуктов, пригодных для обращения в капитал, обращаемая действительно в капитал, составляет 40 четвертей на рабочее семейство; итак, всего производится продуктов, годных служить капиталом, по 80 четвертей на рабочее семейство; семейств этих всего 30, стало быть, продуктов, годных для поступления в капитал, всего производится 2 400 четвертей; эти 2 400 четвертей производятся трудом только 20 семейств, стало быть, каждое семейство, занятое выгодным трудом, производит по 120 четвертей. Итак, успешность труда в этом обществе такова, что если бы все рабочие силы его были обращены на производство продуктов, пригодных быть капиталом, и все продукты, пригодные быть капиталом, действительно шли в капитал, то капитала производилось бы по 120 четвертей на каждое семейство, — то есть работники жили бы в изобилии, материалов для производства было бы очень много, орудия труда были бы превосходные (на все это нужно только по 50 четвертей), и кроме того оставался бы значительный избыток продуктов, который пригодился бы для доставления работникам большого отдыха, большего образования, большего нравственного развития. Если этого нет, если труд снабжен плохим продовольствием, плохими орудиями и часто остается без занятия (то есть вовсе без продовольствия) по недостатку продуктов на его содержание за занятием и по недостатку материалов для обработки, это происходит не оттого, чтобы труд в этом обществе уже не достиг сам по себе достаточной успешности, — нет, просто потому, что слишком большая часть его идет на убыточное для общества производство, а из продуктов той части труда, которая занята выгодным производством, слишком большая часть отдается в убыточное потребление и слишком малая обращается в капитал.

Достаточность или недостаточность капитала страны зависит, как мы видим, от распределения рабочих сил между выгодным и

убыточным производством и от распределения продуктов, могущих быть капиталом, между выгодными и убыточным потреблением; а оба эти обстоятельства зависят от экономических учреждений страны; из этого мы выводим второе, очень важное заключение: учреждения страны имеют чрезвычайно сильное влияние на ее благосостояние, и кто занимается вопросом о возвышении благосостояния страны, должен обратить внимание прежде всего на гражданские отношения между ее жителями.

Капитал, в научном смысле слова, совершенно не то, что деньги; деньги, сами по себе, вовсе не составляют никакого капитала. После этого является вопрос, каким же путем деньги имеют влияние на производство страны? Полный ответ на это мы найдем при изложении понятий о звонкой монете и о кредите (в книге III), а теперь только приведем одну черту, по которой можно предугадать все решение вопроса. Деньги служат выражением покупательной силы (*purchase power*); а желанием покупателей определяется, чем будут заняты рабочие силы, ими покупаемые, и какое назначение получат продукты, производимые работниками. Представим, например, такой случай:

Положим, что в известном экономическом округе из 200 работников 80 заняты убыточным, а 120 выгодным трудом; положим, что все они вместе получают 20 000 рублей, то есть на занятие каждого из них работою употребляется покупательная сила во 100 рублей. Получая эти деньги, то есть эту покупательную силу, они обращают ее на приобретение предметов первой необходимости, которые все для краткости мы переведем на пшеницу. Положим, что в этом обществе находится 5 000 четвертей пшеницы; тогда покупательная сила, нужная для приобретения одной четверти пшеницы, будет состоять в 4 рублях (на 20 000 рублей покупается 5 000 четвертей пшеницы). Положим теперь, что приехал в это общество иностранец с целью заниматься земледелием и привез тоже 20 000 рублей серебром. От прибытия этих денег капитал страны еще не увеличился ни одним зерном пшеницы. Но посмотрим, какая перемена произошла в качествах покупательной силы. Прежде при покупательной силе в 20 000 рублей нанимались на убыточное производство 80 человек из 200 человек, значит, из 20 000 рублей покупательной силы употреблялось на это дело 8 000 рублей, составлявшие тогда 40 % всей покупательной силы, а на выгодное производство оставалось только 60 % покупательной силы. Теперь к прежней покупательной силе прибавилось еще 20 000 рублей, и вся она составляет уже 40 000 рублей; весь этот прибавок обращен волею своего владельца на выгодное производство. На убыточное производство идет попрежнему 8 000 рублей, но в 40 000 рублях эти 8 000 составляют уже только 20 %; это значит, что эта покупательная сила уже не в состоянии отвлечь от выгодного производства к убыточному прежних 80 работников, а может отвлечь

только 40. В денежном счете новое положение дел выразится таким образом: труд 200 работников покупается теперь за 40 000 рублей, то есть труд каждого работника за 200 рублей; и на 8 000 рублей можно нанять только 40 работников. Остальные 160 работников будут наняты для выгодного производства на остальные 32 000 рублей. На первый год существует для продажи только 5 000 четвертей пшеницы и работники имеют 40 000 рублей, чтобы заплатить за это количество хлеба; итак, цена пшеницы будет 8 рублей за четверть. Пока работники еще ничего не выиграли, и капитал страны не увеличился. Но в течение года занимались производством пшеницы не 120 работников, как прежде, а 160 работников; если 120 работников производили 5 000 четвертей, то 160 работников произведут 6 000 четвертей *.

Таким образом, на каждого работника будет приходиться уже не 25 четвертей, как прежде, а 30 четвертей пшеницы; мы видели, что именно пшеница и составляет то, что в науке называется капиталом; итак, через год по прибытии иностранца с его 20 000 руб. капитал страны увеличился, то есть труд этой страны получил лучшее содержание и производительные процессы улучшились: в земледелии произведены усовершенствования, земля стала удобряться лучше прежнего, введены лучшие плуги, улучшился рабочий скот, страна стала гораздо благосостоятельнее прежнего.

Чем же произведена эта перемена к лучшему, это увеличение капитала, влекущее за собою постоянное возвышение количества продуктов? Собственно ли прибытием денег? Нет, собственно только тем, что увеличилась пропорция покупательной силы, обращенной на выгодное производство, и уменьшилась пропорция этой силы, обращенной на убыточное производство. В этом состоит сущность дела, а прибытие денег было лишь ее симптомом, который тут сопровождал хорошую перемену, но которым точно так же могла сопровождаться и дурная перемена; — чтобы увидеть, как могла сопровождаться им дурная перемена, мы только должны предположить, что иностранец привез свои 20 000 р. с намерением не заняться земледелием, а построить, например, оранжерею, — производство убыточное для общества. Что же мы будем иметь тогда?

* Полагая только 6 000, а не 6 666, как приходилось бы по точной пропорции, мы следуем в этом случае принципам Мальтуса и Рикардо, доказывающих, что масса сельскохозяйственных продуктов возрастает не так быстро, как масса рабочих сил, обращенных на земледелие; при изложении теории Мальтуса и Рикардо мы увидим, однако, что влияние этого принципа уравнивается, а иногда и перевешивается влиянием других последствий, соединенных с увеличением населения, и что если 120 работников производили 5 000 четвертей, то 160 работников должны произвести не 6 000 четвертей и даже не 6 666, а 7 000 или 8 000 четвертей. Но теперь мы еще не имеем права принимать такого последствия, не изложив его оснований.

На занятие работников земледелием обращалось прежде 12 000 р. Только они и остаются на это назначение, а 20 000 р. прибавляются к тем 8 000 р., которые прежде отвлекали работников к убыточному производству. Итак, из 40 000 р., составляющих теперь покупательную силу, 28 000 р., то есть 70% (вместо прежних 40%), обращаются на покупку труда для убыточного производства, а на выгодное производство остается только 30% покупательной силы, при 40 000 р., платимых 200 работникам, работник нанимается за 200 р.; и на 12 000 р. можно занять земледелием только 60 человек. Если прежде 120 работников производили 5 000 четвертей, то 60 работников произведут теперь только 3 000 четвертей*. Итак, теперь на работника приходится уже только по 15 четвертей пшеницы, вместо прежних 25 четвертей. Итак, от прибытия иностранца с его 20 000 р. капитал общества сильно уменьшился, и общество обеднело.

Мы видим, что прибыль денег может уменьшать капитал страны; наоборот, убыль денег может увеличивать его. В самом деле, предположим, что люди, располагавшие 8 000 рублей, на которые покупался труд для убыточного производства, потеряли более половины своего состояния, целых 5 000 р., сохранив только 3 000 р. вместо прежних 8 000 р. В таком случае вместо прежних 20 000 р. общество будет иметь только 15 000 р. На эту сумму будет куплен труд 200 работников, то есть каждый работник получит за труд вместо прежних 100 р. только 75 р. Но от потери денег не уменьшилось количество пшеницы, произведенное предыдущею жатвою, и за 15 000 р. будут куплены работниками те же 5 000 четвертей, — они ничего не потеряли в этом году от потери 5 000 р. людьми, нанимавшими их на убыточный труд; напротив, они скоро выиграют от этой потери. В самом деле, на 3 000 р., по 75 р. человеку, можно нанять на убыточный труд только 40 работников, а на остальные 12 000 р., нанимающие работников для выгодного труда, будут наняты (по 75 р.) 160 человек; и если прежде 120 работников, занимавшиеся земледелием, производили 5 000 четвертей, то 160 работников произведут 6 000 четвертей, и на следующий год общество будет иметь, вместо прежних 25 четвертей, по 30 четвертей пшеницы на работника. Из этого мы видим, что от потери 5 000 р. людьми, нанимающими работников на убыточный труд, точно в такой же степени увеличивается капитал общества, как от прибыли 20 000 р., привозимых иностранцем для найма работников на выгодный труд.

Важность не в том, увеличивается или уменьшается сумма денег, находящихся в обществе, — вся важность только в том, как изменяется пропорция между покупательною силою людей,

---

* Мы полагаем 3 000, а не 2 500 четвертей, опять следуя принципу Мальтуса и Рикардо.

которым нужен выгодный труд, и людей, которым нужен убыточный труд.

Мы полагаем, что весь этот длинный этюд о понятии капитала, служащий только развитием слов Милля: «капитал — вовсе не деньги, а только продукты, употребляемые на производство», — слов, заключающих в себе одну из основных теорем смитовской теории, — мы надеемся, что этот этюд мог содействовать укреплению мысли читателя в научном понятии о капитале. Если так, то читатель достаточно вознагражден за скуку, которую могли пробуждать в нем эти страницы. Утвердить в себе точное понятие о научном смысле термина «капитал» — вещь чрезвычайной важности: кто тверд в нем, тот (повторим метафору Милля)⁵⁷ уже почти вышел из мрака меркантильных заблуждений, господствующих над разговорным языком, в свет здравых экономических воззрений.

Мы очень долго останавливались на анализе научного понятия о капитале, но еще не касались той полемики, которая ведется в защиту и против капитала в его разговорном значении, совершенно различном от научного, а часто (и даже большею частью) совершенно противном ему, — о полемике, в которой под именем капитала разумеются деньги и кредитные бумаги, а еще точнее сказать, особенные люди, владеющие большим количеством денег и кредитных бумаг. Анализ этой полемики мы отложим до тех отделов книги Милля, которые говорят о прибыли, получаемой капиталистами и вообще хозяевами промышленных заведений (*profit*), о процентах (*interest*), о звонкой монете и кредитных знаках (книга II, гл. 15; книга III, гл. 7—12 и глава 23).

Нам придется также возвратиться к вопросу о том, почему появление иностранных капиталистов, или их агентов, привозящих с собою только кредитные знаки или звонкую монету, почти всегда ведет к увеличению капитала страны и почти никогда к ее обеднению, хотя сами по себе деньги вовсе не капитал, и хотя, как мы видели, прибыль денег равно может служить к увеличению и к уменьшению капитала, — это разъяснится для нас отделом о ввозе монеты, о заграничной торговле и о распределении драгоценных металлов по торговому свету (книга III, главы 19—21).

ТРУД И КАПИТАЛ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ПРОИЗВОДСТВА

Общий вывод из предыдущего отдела

1. Предметы и явления, производимые самою природою, без содействия человека, оказываются недостаточны по количеству или качеству для удовлетворения человеческих нужд; из этого возникает человеку надобность направлять своею деятельностью

силы и предметы природы к производству предметов и явлений, соответствующих потребностям его организма. Эта деятельность называется трудом (Милль, кн. I, гл. 1, § 1—3; стр. 37—40).

2. Этим определением труда, как деятельности, обусловливаемой производением внешних предметов и явлений, выставляется объективная сторона труда; но, подобно всякой человеческой деятельности, труд имеет и субъективную сторону. Рассматривая труд по отношению к органическим отправлениям, мы находим, что эта деятельность составляет функцию головного мозга (умственный труд) и мускулов (физический труд), как пищеварение — функцию желудка; а общее свойство функций, требуемых природою органов, заключается в том, что деятельность приносит наслаждение тому органу, которым совершается. Если труд бывает неприятен, это происходит в противность его натуре, от влияния неблагоприятных для деятельности мускулов и мозга обстоятельств; такие случаи составляют нарушение нормального порядка («О неприятности труда», стр. 76—81).

3. Итак, полное понятие о труде будет таково: труд есть деятельность мозга и мускулов, составляющая природную, внутреннюю потребность этих органов, находящихся в ней свое наслаждение, а внешним своим результатом имеющая приведение сил и предметов природы к производству предметов и явлений, удовлетворяющих нуждам человеческого организма.

4. В каждом труде участвуют непременно и мускулы, и мозг, так что нет труда исключительно умственного или исключительно физического: каждый труд — есть труд умственно-физический; если говорится о различии труда умственного и физического, этим различием указывается только то, что в одном главная роль принадлежит мозгу, в другом — мускулам; но это преобладание одного элемента не есть исключение другого; деятельность мозга всегда требует некоторого содействия мускулов, а деятельность мускулов всегда производится под управлением деятельности мозга.

5. По различию целей, которые ставит себе труд, он разделяется на отрасли, чрезвычайно различные, так что законы и условия каждой из них составляют предмет особенной науки; так, труд, обращенный на сохранение или восстановление здоровья в организме, составляет предмет медицинской науки; труд, обращенный на охранение прав человека — предмет юридической науки. Предметом политической экономии служит та отрасль труда, которая обращена на удовлетворение материальных потребностей человеческого организма. Когда политическая экономия говорит просто «труд», тут надобно понимать исключительно отрасль труда, обращенную на удовлетворение материальных потребностей человека.

6. Эта отрасль труда, или, как мы для краткости говорим просто «труд», подразделяется в свою очередь на разные раз-

ряды, и возникает несколько классификаций труда, смотря по тому, какие стороны дела принимаются во внимание. Если мы обратим внимание на то, каким образом относится известная частная форма труда к производству предмета, пригодного к удовлетворению потребностей, то мы увидим, что некоторые формы труда употребляются прямо на окончательную выделку предмета, нами потребляемого — труд, прямо обращенный на производство того предмета, или труд прямой; другие формы труда употребляются на изготовление материалов, обрабатываемых прямым трудом, или орудий и сил, которыми он действует, или обстановки, нужной для него, или на приготовление работника к труду, или на приготовление содержания для работника и проч. — труд, косвенно содействующий производству предмета, косвенный труд (глава 2, §§ 1—7, стр. 41—48 и Обзор первых трех глав, стр. 82). Понятия, связанные с этою классификациею, довольно привычны каждому в образованном обществе, потому нам нет надобности особенно настаивать на них.

7. Точно то же надобно сказать о другой классификации, делющей труд по внешним качествам производимых им продуктов; если продуктами бывают материальные предметы или, точнее сказать, предметы, могущие сохраняться довольно долго, труд называется производительным, а если труд производит только мимолетные явления, исчезающие при самом своем возникновении, труд называется непроизводительным (глава 3, §§ 1—4, стр. 50—56 и Обзор первых трех глав, стр. 86—87).

8. Обе эти классификации справедливы и не лишены некоторой важности; но несравненно важнее их обеих классификация, основанная на рассмотрении той экономической роли, к какой способны продукты, основанная на различии продуктов по тем качествам, которые, с экономической точки зрения, представляются существенными и внутренними качествами их. Есть продукты, пригодные на поддержание нового производства; трудом, употребленным на них, благосостояние общества поддерживается и увеличивается; потому труд, обращенный на производство таких предметов, мы называем выгодным для общества или просто выгодным. (Наука смотрит на все предметы с точки зрения общечеловеческой или общественной, и должно само собою разумеаться, что, когда она говорит о выгоде, тут надобно понимать выгоду для общества, если не сделано положительной оговорки, ограничивающей смысл слова.) Другие продукты непригодны на ведение производства, потому для материального общественного благосостояния совершенно пропадает обращенный на их производство труд, и все содержание этого труда, все материалы и орудия его безвозвратно исчезают из той суммы средств, от которой зависит общественное благосостояние; этот труд должен называться убыточным (Выгодное и убыточное для общества производство и потребление, стр. 62—75).

9. Классификация труда по его выгодности или убыточности для общества далеко не совпадает с обыкновенным разделением труда на производительный и непроизводительный. Некоторые разряды непроизводительного труда, то есть труда, продуктом которого не бывают материальные предметы, чрезвычайно выгодны, потому что ими создаются силы и условия, необходимые для производства; таков, например, труд, обращенный на умственное или нравственное усовершенствование человека. Зато очень многие разряды производительного труда убыточны для общества, например, труд, обращенный на производство предметов роскоши, и всякий вообще труд, вредный для физических, умственных или нравственных сил человека, занимающегося им; потому что труд этих разрядов имеет своим результатом не увеличение, а уменьшение средств, дающих материальное благосостояние обществу, то есть уменьшение самого благосостояния общества. Напротив, это деление труда на выгодный и убыточный имеет тесную связь с обычным делением потребления на производительное и непроизводительное; выгоден тот труд, продукты которого пригодны, убыточен тот, продукты которого не пригодны на производительное потребление.

10. Итак, по внутренним своим качествам, по существенному своему характеру продукты выгодного труда (развитые физические, умственные или нравственные силы человека, возникающий от надлежащего их состояния хороший общественный порядок, орудия производства, материалы производства, предметы, пригодные на потребление работников) должны обращаться на производительное потребление. Достигают ли они такого назначения, требуемого их внутренними качествами, зависит от разных условий и обстоятельств, из которых важнейшим и постоянным бывают общественные учреждения (законы). Та часть продуктов выгодного труда, которая не достигает этой своей существенной цели, которая отвлекается от нее к непроизводительному потреблению, пропадает для материального благосостояния общества, подобно продуктам убыточного труда. Та часть, которая достигает назначения, подобного с ее коренными экономическими качествами, которая действительно идет на потребление производительное, называется капиталом.

11. Труд — единственный элемент производства, лежащий в организме самого человека; потому, с человеческой точки зрения, все продукты производства должны считаться продуктами исключительно труда. По строгой систематичности идей, понятие вознаграждения относится скорее к учению о распределении, нежели к учению о производстве. Но отступление от точных научных приемов в изложении экономической теории, — отступление, свойственное всем последователям смитовской школы и состоящее в подстановке анализа второстепенных феноменов вместо анализа основных фактов, — привело Милля к соприко-

сновению с понятием вознаграждения в теории производства, и мы принуждены коснуться здесь этой стороны предмета, о которой собственно следует нам говорить гораздо ниже, во второй и в третьей частях трактата, в теории распределения и обмена. С человеческой точки зрения, весь продукт обязан своим возникновением труду, стало быть, весь он должен составлять принадлежность того самого организма, трудом которого создан. Если в создании продукта участвовал труд не одного, а многих человеческих организмов, продукт должен распределяться между ними пропорционально количеству труда, вложенному каждым из них в создание продукта. Это мы замечаем здесь только мимоходом, для предупреждения читателя о характере точной научной теории вознаграждения, а самое изложение этой теории оставляем до тех частей трактата, к которым она собственно принадлежит (Обзор отдела о труде, стр. 81—93).

12. Продукт возникает из сочетания трех основных элементов, из которых один вносится в него человеческим организмом, а два другие внешнею природою; из материала, из сил природы, преобразующих этот материал, и из труда, направляющего деятельность сил природы к производству в материале именно такой перемены, какая нужна человеку. Когда внешние предметы и силы внешних предметов, входящие в производство продукта, созданы не трудом, а только самопроизвольною деятельностью природы, они не входят в экономический расчет. Отступлением из этого принципа, основанного на сущности дела, являются те случаи, когда материалы или силы природы, существующие независимо от труда, доставляются природою, или в количестве, допускающем обращение их под власть отдельных людей, или даже в количестве меньшем того, какое было бы нужно людям; в этих случаях, при известном состоянии общества, возникает монополия таких предметов и сил (глава 1, § 4). Понятие монополии относится собственно не к производству, а к распределению и обмену, и мы здесь только предварительно упоминаем о нем, оставляя до тех частей трактата, к которым оно собственно относится, рассмотрение экономической роли этого феномена и объяснение степени его ответственности с потребностями человека и с экономическим расчетом. Кроме этих случаев отступлений от принципа, лежащего в сущности дела, отступлений, называемых монополиями, внешние предметы и силы внешних предметов входят в экономический расчет лишь тогда, когда бывают продуктами труда, и должны входить в него пропорционально количеству труда, употребленного на их создание.

13. Таким образом, экономическая теория предоставляет естественным наукам и технологическим их приложениям исследование пригодных к производству предметов и сил внешней природы, а сама занимается только трудом и его отношениями к внешней природе; предметы и силы внешней природы рассмат-

ривает она только с той стороны, с которой они бывают продуктами труда, да и тут обращает внимание собственно только на то, как входят они в экономический расчет труда.

14. Итак, предметом исследований экономической теории служит труд в двух формах; об одной из них, в которой он является производящею деятельностью, мы уже говорили. Теперь мы должны обратиться к другой форме его, когда он, реализовавшись в материальных продуктах, содействующих дальнейшему производству, называется капиталом. Для человека, желающего достичь верного взгляда на экономические явления, чрезвычайно важно утвердиться в научном понятии о капитале, как о массе продуктов, пригодных на производство и действительно употребляемых на производство, и совершенно очистить свою мысль от влияния ошибочных суждений, навеваемых спутыванием научного понятия о капитале с меркантильными оттенками значения этого слова в разговорном языке (Милль, книга I, глава 4, стр. 94—102 и Анализ понятия капитала, стр. 146—152).

15. Утвердившись в научном понятии о капитале, мы без всякого труда увидим справедливость той основной теоремы учения о капитале, что размер производства в данной стране определяется размером капитала, существующего в ней, то есть количеством продуктов, идущих на производство⁵⁸. Увеличить производство страны, служащее основанием ее благосостоянию, можно только путем увеличения капитала, то есть массы продуктов, достающихся на потребление работников или употребляемых на производство в виде орудий и материалов (глава 5, § 1, стр. 102—103). Эта цель может быть достигаема, кроме усовершенствования производительных процессов, составляющих предмет технологии, еще тремя способами, принадлежащими кругу предметов экономической теории. Во-первых, уменьшением той пропорции продуктов, пригодных на капитал, которая отвлекается от этого назначения, иначе сказать, сокращением непроизводительного потребления и перенесением рабочих сил от убыточного труда к выгодному (Анализ понятия капитала, стр. 146—152); во-вторых, доставлением работнику возможности обращать на домашние изделия те мелкие промежутки времени, которые остаются у него праздными от занятия коренным его промыслом (примечание на стр. 104): в-третьих, возбуждением большей энергии в труде, которая бывает пропорциональна хорошим качествам общественных учреждений и размеру доли продукта, поступающей в руки работника (примечания на стр. 113—114 и прибавление к примечанию Милля на стр. 118—119).

16. При ясном сознании отношений производства к потреблению, при сознании того, что потребление работников может возрастать до степени гораздо высшей, нежели на какой стоит ныне, и что каждое возрастание в их потреблении будет сопро-

воздаваться возрастанием производства, невозможно усомниться в том, что непроизводительное потребление, то есть потребление продуктов труда не лицами, трудившимися над производством продукта, приносит обществу вред, и что всякое уменьшение непроизводительного потребления ведет к возрастанию производства (глава 5, § 3, стр. 105—107 и Анализ понятия капитала, стр. 146—152).

17. Неудовлетворительность терминологии, принятой в школе Смита, видна между прочим и на термине, которым характеризуется путь возникновения капитала: в школе Смита принято говорить, что капитал образуется сбережением, между тем как в сущности гораздо сильнее простого сбережения тут действует производительное потребление: школа Смита принуждена объяснять, что в ее теории слово «сберегать» употребляется вместо выражения: «потреблять производительным образом». Страна поддерживает и увеличивает свое благосостояние только тем, что капитал ее быстро потребляется производительным образом, или, точнее сказать, только постоянным продолжением и развитием выгодного труда (глава 5, §§ 4—7, стр. 107—114).

18. Наоборот, каждое, даже кратковременное расширение непроизводительного потребления насчет производительного или расширение убыточного труда насчет выгодного наносит стране убыток несравненно больший, нежели та сумма продуктов, которая отвлечена таким образом от выгодного потребления к убыточному, потому что этим фактом не только губятся уже изготовленные продукты труда, но, что еще важнее, отнимаются средства к продолжению выгодного труда. Этим не только губится уже созревшая жатва, но также портится самая почва, дающая жатвы, и истребляются семена, из которых должны вырастать будущие жатвы (гл. 5, § 8, стр. 114—121).

19. Если в нашем соображении ясно и неуклонно держится точное научное понятие о капитале, мы очень легко поймем, что труд содержится капиталом, то есть продуктами, идущими на его содержание, — а не запросом на продукты, изготовляемые этим трудом, и что запросом на товары определяется вовсе не количество труда, то есть не общее число работников, занятых производительным трудом, продовольствующихся платою за производительный труд, а только то, в какой пропорции распределяется это число рабочих между производствами разных товаров* (глава 5, § 9, стр. 121—127).

* Много раз мы замечали сбивчивость, вносимую в изложение принципов политической экономии тем, что последователи Смита слишком часто забывают обращать анализ на коренную сущность дела, останавливаясь на второстепенных симптомах его и вместо приемов строго научных употребляют поверхностный меркантильный метод. Милль, менее всех континентальных последователей Смита грешащий этим недостатком, все еще слиш-

20. Из того, что запрос на товар не увеличивает благосостояния работников, прямо следует, что совершенно ошибочна очень распространенная мысль, будто бы известный класс приносит другим классам или всей нации пользу своим потреблением: нет, потребление не приносит пользы никому кроме потребляющего. Другие люди могут получать пользу только от того, что произ-

ком много грешит им, и дурные последствия поверхностного метода в очень широком размере проявляются у него, например, при изложении этой теории. Попробуем анализировать сущность дела.

Общество имеет в данном году известное количество хлеба, мяса, молока, простых сортов одежды, простых помещений и других предметов, которые нужны на содержание работников. Из этих вещей известная часть идет на содержание производительных работников, и только она составляет капитал. Другая часть тех же вещей, идущая на содержание непродовольственных работников или людей, вовсе не работающих, не составляет капитала, а служит предметом непродовольственного потребления. Какое же количество работников будет в этом году в этом обществе содержаться при занятии производительным трудом? Дело ясное, что при этом занятии будет содержимо только то число работников, какое может быть содержимо идущую на их содержание частью хлеба, мяса, одежды и т. д.; а именно эта часть и составляет капитал; потому, разумеется, работники эти содержатся капиталом, а не чем-нибудь иным, и например не запросом на товары. Если капитал не увеличивается, не может увеличиваться и число производительных работников. Запросом на товары, как явно из этого, определяется только характер работы, а не число работников. Если, например, на пищу работника нужно 2 четверти хлеба в год, и если на содержание производительных работников употребляется 100 четвертей, то будут иметь содержание и работу 50 работников. Запрос на товары будет определять только, какими работами какая пропорция из этого числа работников будет занята. Если, например, запрос на бархат будет составлять одну пятую часть всей суммы запроса на все товары, запрос на хлеб и мясо две пятых, а остальные две пятые части всей суммы запроса будут составлять запрос на остальные товары, то из 50 работников десятеро будут заняты выделкою бархата, 20 человек — производством хлеба и мяса, остальные 20 — выделкою всех других товаров, также по пропорции запроса на каждый из них. Если пропорция запроса на разные товары изменится, изменится и пропорция, по которой эти 50 человек распределяются между разными производительными работами.

Вот в этом и все дело; оно так просто, что вполне излагается, объясняется и доказывается на следующих четырех с половиною строках:

Количество производительных работников не может быть больше того, какое может содержаться на предоставляемые этим работникам предметы продовольствия; предоставляемые производительным работникам предметы продовольствия составляют капитал; итак, число работников, занятых производственным трудом, определяется размером капитала.

Вместо того, чтобы обратиться прямо и просто к этому коренному факту, Милья берется за изложение дела лишь посредством анализа второстепенных симптомов его; потому изложение сильно запутывается. Он разбирает один симптом и доходит до своего заключения, — но тут представляются разные сомнения и возражения по неудовлетворительности первого анализа. Чтобы опровергнуть их, он должен браться за другие симптомы, с ними повторяется та же история, и вопрос остается запутанным до самого конца. Ближе всего подходит к сущности дела пример, представляемый Миллем в примечании на страницах 125—126 и 126—127 пример двух землевладельцев, из которых один обращает свой доход на содержание работников, а другой на свой собственный стол. Доказательство это, данное после

водит человек, а не от того, что он потребляет. Если потребление служит известному человеку или классу источником производства (производительное потребление, иначе сказать, обращение продуктов в капитал), это потребление, ведущее к усилению производства, действительно выгодно для общественного благосостояния. Но потребление непроизводительное не имеет этого

многих недостаточных разъяснений, одно излагает, наконец, в истинном научном виде ту сторону дела, на которую обращено внимание Милля. Но, запутав сам для себя сущность вопроса предшествующим поверхностным изложением, Милль и тут забыл обстоятельство очень важное; он не определяет характера производительного труда, которым заняты работники, и оттого вовлекается в недосмотр, отнимающий почти всю силу у доказываемой им теоремы.

Положим, говорит Милль, что землевладелец А, получая ренту натурою, расходует ее на содержание работников. Положим, что фермеру дается предупреждение, какими продуктами потребуются уплата ренты. Продуктом, производимым для уплаты ренты, будет в этом случае хлеб, которым будет содержать своих работников А. Если вместо А явится новый владелец В, который захочет потреблять ренту в виде гастрономических блюд за своим собственным столом, фермер должен будет на производство этих дорогих припасов, потребляемых лично одним В, употребить ту часть труда, которая прежде производила хлеб, шедший в ренту А и продовольствовавший работников А. Теперь хлеба на продовольствие этих работников уже не будет производиться. — Совершенно так. — Но, продолжает Милль, если В не будет в первый год брать ренты, а оставит ее у фермера, фермер употребит ее на продовольствие бывших работников А, которые, продовольствуясь по-прежнему, произведут на второй год роскошные продукты для стола В, и положение работников останется такое же, как было при А. — Вот этого заключения, что положение работников не изменится, нельзя сделать, не зная того, каким трудом занимались работники А: если они работали в его оранжерее, положение дел при В действительно не изменится; но если они занимались хлебопашеством, то изменится. Мы это сейчас увидим, если не поленимся сосчитать.

Введя подразделение, о котором забывает Милль, мы имеем не три, как он, а уже четыре разных случая:

1) Ренту составляют гастрономические припасы, и она требуется без отсрочки; 2) ренту составляют гастрономические припасы, и фермеру дается годовичная отсрочка в ее уплате; 3) ренту составляет хлеб, идущий на содержание оранжереи, и 4) ренту составляет хлеб, идущий на ведение хлебопашества. У Милля есть три первые случая, но четвертого нет, а в нем-то и раскрывается истинное значение теоремы, важность которой он так высоко ценит — это нам будет видно из следующих счетов.

1) Если владелец В, требующий ренту гастрономическими припасами, не дает фермеру годовой отсрочки, то, полагая, что рента составляет одну треть всего продукта и что у фермера 30 работников, мы увидим, что фермер должен 10 человек из них употребить на производство гастрономических припасов, а на хлебопашество только 20. Если каждый хлебопашец производит 6 четвертей хлеба, а на содержание работника нужно 4 четверти, то поместье производит 120 четвертей и содержит 30 работников.

2) Если В даст фермеру на первый год отсрочку в уплате, фермер всех 30 человек своих работников займет в этом году хлебопашеством; они производят (по 6 четвертей) 180 четвертей; на их содержание будет нужно (по 4 четверти) 120 четвертей; на остальные 60 четвертей фермер во втором году будет содержать 15 человек других работников, производящих гастрономические припасы для В. Итак, поместье производит 180 четвертей и содержит 45 работников.

действия. Оно составляет чистую потерю для общества и потому налоги, сокращающие непроизводительное потребление, каков, например, налог на доходы в Англии, никак не уменьшают, а часто даже увеличивают капитал страны, не вредят, а приносят пользу рабочим классам (глава V, § 10, стр. 127—129).

21. Вопрос о влиянии машин на судьбу рабочего класса дает практическую важность подразделению капитала на оборот-

3) Теперь тот случай, когда А, берущий ренту хлебом, содержит на нее работников при оранжерее. У фермера 30 работников; они все заняты хлебопашеством и производят 180 четвертей; 120 четвертей потребляют сами, 60 четвертей фермер отдает в ренту; на нее А содержит 15 человек работников при своей оранжерее. Поместье, как в предыдущем случае, производит 180 четвертей хлеба и содержит 45 человек работников.

Миляль имел в виду эти три случая и, как видим, был совершенно прав, утверждая, что второй случай одинаков с третьим, но что между ними и первым случаем есть существенная разница. Но еще больше разницы между ними и четвертым случаем, когда рента идет на хлебопашество, потому что

4) тут с каждым годом быстро возрастает продовольствие, производимое поместьем, между тем как во всех первых трех случаях оно оставалось неподвижно. В самом деле, при этом порядке дел мы имеем такое развитие:

а) Первый год. Фермер, имея 30 работников, производит 180 четвертей; из них на 120 содержит своих 30 работников, а 60 отдает в ренту; на них А содержит 15 хлебопашцев. Они производят, по 6 четвертей, 90 четвертей. Итого ко второму году в поместье произведено: 180 четвертей работниками фермера, 90 четвертей работниками землевладельца, всего 270 четвертей.

б) Второй год. Фермер, имея остающихся у себя 120 четвертей, содержит попрежнему 30 работников, производящих опять 180 четвертей. Землевладелец, имея сверх 60 четвертей, полученных в ренту от фермера, еще 90 четвертей, произведенных его собственными работниками, всего 150 четвертей, содержит на них уже не 15 работников, как прежде, а 37,5 работников ($150 : 4 = 37,5$); они произведут ему 225 четвертей. Итого поместье во 2-й год производит 405 четвертей ($180 + 225$) и содержит 67,5 работников ($30 + 37,5$).

в) Третий год. Производство фермера остается в прежнем виде; землевладелец, имея всего 285 четвертей (60 четвертей ренты и 225 произведенных его работниками), содержит уже 71,25 работников ($285 : 4 = 71,25$); они произведут ему 427,5 четвертей. Всего поместье производит 607,5 четвертей ($180 + 427,5$) и содержит 101,25 работников.

Этот быстрый рост производства и числа работников будет продолжаться и в следующие годы.

(Мы здесь не принимаем в расчет мальтусову теорему об уменьшении производительности сельскохозяйственного труда пропорционально возрастанию числа работников, потому что, по мысли самого Миляля, гипотеза, занимающая теперь нас, должна быть построена как можно проще, а введение в нее мальтусовой теоремы очень усложнило бы вычисления. Но скажем, что она лишь несколько уменьшила бы пропорцию возрастания продукта и числа работников, а не изменила бы основного характера разницы между четвертым и тремя первыми случаями. Именно по ней мы получили бы в четвертом случае:

Годы	Число работников	Производство хлеба в четвертях
1	45	225
2	56,25	270
3	67,50	315

ный, потребляемый и воспроизводимый одною операциею производства, и основной капитал, служащий целому длинному ряду производственных операций, так что каждою из них может воспроизводиться лишь некоторая, часто очень незначительная часть его. Главная часть оборотного капитала состоит в продовольствии работников. Если часть оборотного капитала переходит в основной, это значит, что та сумма продовольствия, которая ежегодно потреблялась и воспроизводилась работниками, берется из их потребления, чтобы впоследствии воспроизводиться лишь гораздо меньшими частями. Потому без вреда для работников может поступать в основной капитал только тот излишек ежегодных новых сбережений, какой остается за полным воспроизведением прежнего оборотного капитала, с прибавкою процента, соответствующего приращению населения страны (глава VI, стр. 129—136).

22. Если изложение понятий, обзор которых мы теперь представили, потребовало целых 208 стр.⁵⁹, вместо каких-нибудь 30, эта длиннота произошла от неудовлетворительных приемов поверхностного анализа, которым часто хочет ограничиваться Милль, рассматривая экономические явления, как они представляются в меркантильном свете обмена при посредстве де-

---

Обе цифры, оставшиеся неподвижными в первых трех случаях, здесь все-таки, как видим, возрастают. Истинный характер закона, указываемого мальтусовою теоремою, и его влияние на земледельческое производство мы разберем в замечаниях на 10, 12 и 13 главы первой книги Милля; теперь же только предупреждаем читателя, что смысл факта, замеченного Мальтусом, вовсе не таков, как думал сам Мальтус, а что его теорема ведет не к тем страшным заключениям, какие выводились из нее людьми, непривычными разбирать смысл алгебраических уравнений, а просто к сильнейшему разъяснению необходимости усилить выгодное и уменьшить убыточное производство).

Из сравнения этих четырех случаев мы получаем такие выводы:

Когда без всякой отсрочки часть производительных сил отвлекается от занятий, продуктами которых содержатся производительные работники, на занятия, продукты которых идут в потребление непроизводительных членов общества, капитал уменьшается; сообразно тому уменьшаются величина продукта и число людей, находящих себе пропитание в данном обществе (вывод из сравнения первого случая с третьим).

Если однако же при этом обращении части производительных сил от производства продуктов для работников на производство продуктов для праздных, дается отсрочка, равная полному обороту производительного процесса (например, в хлебопашестве — годичная отсрочка), то капитал, величина продукта и число работников не уменьшаются (сравнение 2-го случая с 3-им).

Но и в этом случае, да и вообще всегда, когда известная (определяемая степенью производительности земледельческого труда) часть производительных работников занята убыточным производством, капитал общества не возрастает; для того, чтобы капитал возрастал, чтобы число работников также возрастало без уменьшения их продовольствия, нужно, чтобы производительные работники обращались от занятия убыточным производством к выгодному производству (сравнение 4-го случая с 3-им).

Этот последний вывод и есть самый важный: в нем открывается существенный смысл изложенной Миллем теоремы о зависимости числа работников

нег, или смешивая временные формы экономического устройства с коренною сущностью явлений, проходящих ныне через эти формы в известных странах, проходящих через другие формы в других странах и проходивших через третьи формы в прежние времена. Такое смешение сущности дела с поверхностными симптомами очень часто производит у писателей смитовской школы сбивчивую длинноту, на распутывание которой также приходится употреблять много страниц; но эти длинные распутывания могут быть нужны только для людей, еще не совершенно свыкшихся с основным приемом и основною идеею смитовской теории, которым далеко не всегда остается верна школа, называемая смитовскою. Коренной прием, утверждение которого в науке составляет одно из прав Адама Смита на славу, заключается в том, чтобы экономические феномены, имеющие очень многосложный вид при нынешнем устройстве, разлагать на простейшие элементы, лежащие в их основании, составляющие их сущность. Коренная идея науки, находимая при помощи этого приема, заключается в том, что труд есть единственный источник производства с человеческой точки зрения. Другой элемент, которым человек может участвовать в производстве, капитал, составляет только видоизменение труда и притом видоизменение очень мимолетное, исчезает чрезвычайно быстро, так что поддерживается лишь постоянным воспроизведением чрез труд и по сущности дела не имеет ни малейшей независимости от труда, который один и создает и сохраняет его. Из этого легко видеть, что всякая претензия приписывать капиталу не только преобладание над трудом, но хотя бы какую-нибудь самостоятельность, должна считаться уклонением от нормального экономического порядка. Как по своему происхождению, так и по самым условиям возможности длить свое существование, капитал в сущности дела не больше, как только принадлежность труда.

от величины капитала. Этим выводом говорится: если состояние общества неудовлетворительно, причины тому надобно бывает искать в неудовлетворительном распределении рабочих сил между выгодным и убыточным производствами.